

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В ГОДЫ "ГОРБАЧЁВСКОЙ" ПЕРЕСТРОЙКИ

© Бугаев А.М. (a, b), Сугаипова Р.А. (c), Мадашова М.Х. (d)

(a) Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, к.и.н., зав. лабораторией историко-этнологических исследований, yasma@bk.ru, Грозный.

(b) Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, к.и.н., профессор кафедры «История и культура народов Чечни» исторического факультета, yasma@bk.ru, Грозный.

(c) Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, м.н.с. лаборатории историко-этнологических исследований, ms.sugaipova@mail.ru, Грозный.

(d) Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, ассистент кафедры «История и культура народов Чечни» исторического факультета, Грозный.

Аннотация. Статья посвящена анализу многогранных процессов, происходивших в общественно-политической жизни Чечено-Ингушской АССР во второй половине 80-х гг. XX в., то есть в годы демократического обновления советского общества. При этом авторы их динамику вполне обоснованно увязывают с теми трансформациями, которые происходили на союзном, союзно-республиканском уровнях. Вместе с тем показана и так называемая местная, региональная специфика, обусловленная совокупностью факторов, как объективных, так и субъективных.

Ключевые слова: КПСС, партийное строительство, общество, перестройка, демократизация, реформа, Чечено-Ингушская АССР.

THE SOCIO-POLITICAL SITUATION IN CHECHEN-INGUSHETIA DURING THE YEARS OF GORBACHEV'S PERESTROIKA

© Bugaev A.M. (a), Sugaipova R.A. (b), Madashova M.Kh. (c)

(a) Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, laboratory of historical and ethnological research, candidate of historical sciences, yasma@bk.ru, Grozny.

(b) Chechen State University named after A.A. Kadyrov, professor of the Department of History and Peoples of Culture of Chechnya, Faculty of History, yasma@bk.ru, Grozny.

(c) Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, laboratory of historical and ethnological research, junior researcher, ms.sugaipova@mail.ru, Grozny.

(d) Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Assistant of the Department of History and Culture of the Peoples of Chechnya, Faculty of History, Grozny.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the multifaceted processes that took place in the socio-political life of the Chechen-Ingush ASSR in the second half of the 80s of the twentieth century, that is, during the years of democratic renewal of Soviet society. At the same time, the authors quite reasonably link their dynamics with the transformations that took place at the union, union-republican levels. At the same time, the so-called local, regional specificity is also shown, due to a combination of factors, both objective and subjective.

Keywords: CPSU, party building, society, perestroika, democratization, reform, Chechen-Ingush ASSR.

Середина 80-х гг. XX в. – эпохальная веха в новейшей истории человечества. Практически все события, предопределившие коренные преобразования в социально-экономической сфере, государственном устройстве и общественно-политической жизни Советского Союза и оказавшие переломное влияние на дальнейшую трансформацию миропорядка, ведут своё летоисчисление именно с этого времени.

10 марта 1985 г. умер Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко. Новым советским лидером 11 марта 1985 года стал Михаил Сергеевич Горбачев. И вряд ли кто-либо мог даже предположить, что именно он – верховный руководитель одной из сверхдержав – СССР, и есть тот человек, чьи начинания, направленные на фундаментальное преобразование советского общества (перестройка), станут определяющей предпосылкой кардинального изменения всего хода новейшей мировой истории.

Вспоминая те времена, бывший член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев, метко названный одним из партийных функционеров «Мирабо¹ горбачевской перестройки» [1, с.278], писал: «События после прихода к власти Михаила Горбачева по своим объективным последствиям по праву относятся к демократическим революциям. Почему? Да потому, что по мере общественного развития страна постепенно шла к слому тоталитарного режима... Шла медленно, неуверенно, с ошибками, в жесткой борьбе с прочно окопавшимися интересами правящей номенклатуры...» [2, с.359].

На повестке дня стояли сложнейшие вопросы. За долгие годы брежневского правления страна в результате стагнации (застоя), особенно, в экономической сфере, в начале 80-х гг. оказалась, если использовать рыночную терминологию, на грани банкротства, хотя во всех декларативных партийных документах, Конституции СССР, принятой в октябре 1977 года, и утверждалось, что советский народ живет в условиях **развитого социализма**.

На самом деле это был миф коммунистической идеологии, фразеологическая завеса. Никакого развитого социализма в СССР не было построено. Фактически социализм в СССР как фаза «светлого будущего» за семьдесят лет не достиг программно заданного уровня. Наоборот, страна постепенно приблизилась, особенно в развитии экономики и социальной сфере, к критической черте. Поэтому требовались радикальные преобразования, начало которым положил Юрий Владимирович Андропов², ставший Генеральным секретарем ЦК КПСС в ноябре 1982 года после смерти Леонида Ильича Брежнева.

¹ Прим. Мирабо – один из лидеров – вождей – французской буржуазной революции конца XVIII-го столетия.

² Прим. 9 февраля 1984 года Ю. В. Андропов умер.

23 апреля 1985 года состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором была выдвинута задача достижения качественно нового состояния советского общества, основными параметрами которого были определены: научно-техническое обновление производства и достижение мирового уровня производительности труда, материальной и духовной жизни людей; активизация всей системы политических и общественных институтов.

Главным средством для решения этой стратегической задачи должно было стать существенное **ускорение социально-экономического развития советского общества**.

Так был взят курс на перестройку.

В соответствии с Уставом и программными положениями руководящей и направляющей силой советского общества являлась Коммунистическая партия. Это ключевое положение было зафиксировано и в Основном Законе государства – Конституции СССР (статья 6), принятой в эпоху Л. И. Брежнева.

Но в рассматриваемый период партия коммунистов – ядро политической системы советского тоталитарного государства, используя свои испытанные методы и средства, при этом, порою прибегая к мерам репрессивного характера (Сахаров, Солженицын...), вынуждена была стараться хотя бы искусственно поддержать легитимность своего статуса.

Известный политолог Георгий Шахназаров, ныне покойный, который в разном качестве работал с тремя Генеральными секретарями ЦК КПСС – Л. Брежневым, Ю. Андроповым и М. Горбачевым, - в своей книге «С ВОЖДЯМИ и без них» писал: *«Горбачев был избран, потому что такова была воля не признаваемого официально, но реально существовавшего общественного мнения (курсив автора)*. Людям отчаянно надоело участвовать в позорном фарсе, который разыгрывал в течение многих лет своего правления пятизвездный Герой Советского Союза и Социалистического Труда (Л. И. Брежнев - А. Б.). Лицедреть вождей с трясущимися головами и выцветшими глазами. Думать, что этим жалким полупаралитикам доверены судьбы страны и половины мира. Видеть ежегодные похороны, которые, что само по себе кощунственно, проходили уже в атмосфере не скорби, а откровенных издевок» [3, с.292].

Чтобы сплотить КПСС и поднять ее авторитет и роль в обществе, М. С. Горбачев предпринял и реформу самой партии.

В феврале-марте 1986 года состоялся XXVII-ой съезд КПСС.

В отчетном докладе ЦК КПСС, с которым выступил М.С. Горбачев, было подтверждено, что партия взяла курс на «перестройку», «радикальную реформу» экономики и «механизма» ее функционирования.

Суть реформы состояла в том, чтобы ослабить роль централизованного управления экономикой, предоставив больше возможности для инициативы отдельных предприятий. Но, как полагал М.С. Горбачев, никакая экономическая реформа не может быть успешно реализована, если в этот процесс не будет активно вовлечено все общество. Поэтому ставилась задача широкой демократизации, при этом от государства и его институтов требовалось соблюдение политических и гражданских прав человека. Что касается КПСС, то она в новых условиях должна была гарантировать обществу открытость и гласность во всей своей деятельности.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что речь шла вовсе не о том, чтобы сломать административно-командную систему – она, во всяком случае, пока еще, вполне устраи-

вала правящие верхи. Поэтому ставилась задача «обновить», «улучшить», «усовершенствовать» «развитой социализм».

На январском 1987 года пленуме ЦК КПСС [4, с. 352-368], на котором М. С. Горбачев выступил с докладом «О перестройке и кадровой политике партии», были сформулированы и конкретизированы задачи современной кадровой политики КПСС, «дальнейшей демократизации советского общества» и «совершенствования советской избирательной системы». Было установлено выборы партийных и государственных руководителей впредь проводить на альтернативной основе.

На октябрьском 1987 года Пленуме ЦК КПСС по инициативе М. С. ва принято решение о «заполнении белых пятен» в истории СССР.

Тогда же при Политбюро ЦК КПСС создана Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий, которую возглавил главный идеолог перестройки, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС академик А. Н. Яковлев.

На этом же Пленуме после горячего и эмоционального обсуждения (точнее – осуждения) его личного заявления от обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС был освобождён Б. Н. Ельцин, в то время – первый секретарь Московского горкома партии³.

Новый курс, который был способен обнажить практически все болевые точки тоталитарного государства, включая и его произвол против собственного народа, приветствовался далеко не всеми коммунистами, в т.ч. и не всеми представителями высшего эшелона власти.

Жесткие выступления в адрес курса перестройки прозвучали на XIX-ой Всесоюзной конференции КПСС, которая состоялась летом 1988-го года (28 июня-1 июля).

Оппоненты и консервативно настроенные противники курса перестройки критиковали политику «гласности», при этом публикации, репортажи, выступления по теле-радиоканалам отдельных ученых, писателей, журналистов, общественных деятелей и представителей творческой интеллигенции называли не иначе как «очернительством».

Раздавались призывы и требования свернуть программу демократического обновления, усилить партийный контроль над обществом.

«Перестройка - единственно возможный путь укрепления и развития социализма, решение назревших проблем общественного развития... Перестройка - это наша судьба, шанс, который дает нам история. Он не может и не должен быть упущен» - говорил М.С. Горбачев, выступая на XIX-ой Всесоюзной партийной конференции.

М. С. Горбачев получил поддержку большинства делегатов конференции и тем самым, карт-бланш на проведение новых, значительно более радикальных реформ, в т. ч. и политической системы.

Серьезная реорганизация была осуществлена и в системе высших органов государственной власти. 1 декабря 1988-го года Верховный Совет СССР принял законы «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР»⁴ [5, с.813-830] и «О выборах народных де-

³ Прим. Сразу же после этого пленум Московского городского комитета КПСС освободил его и с этого поста.

⁴ Прим. 1 декабря 1988 года на Внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва был принят Закон СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР». В соответствии с этим законодательным актом принципиальные изменения были внесены в следующие главы

путатов СССР» [6, с.831-857]. Отныне вместо Верховного Совета СССР высшим органом власти в Советском Союзе становился Съезд народных депутатов СССР. А в промежутках между его созывами должен был работать Верховный Совет СССР, состав которого менялся и периодически обновлялся в результате обязательной ротации.

26 марта 1989 года в соответствии с новым законодательством состоялись выборы народных депутатов СССР – можно сказать, самые демократические выборы за всю советскую эпоху. Как отмечал А. И. Лукьянов – первый заместитель Председателя Верховного Совета СССР, опыт этих выборов «...убедительно показал, что при всех неизбежных в таком первопроходческом деле издержках эти выборы... не имеют прецедента в нашей практике – ни по степени демократизма, гласности, политической активности граждан, ни по накалу самой предвыборной борьбы» [7, с.361].

В новый депутатский корпус в основном были избраны активные сторонники «перестройки».

Эти ключевые события в общественной и политической жизни страны, которая до недавнего времени считалась страной, где построен развитой социализм, т. е. достигнут рубеж, от которого до светлого коммунистического будущего по историческим меркам оставался лишь небольшой промежуток, и предопределили весь дальнейший ход развития советского многонационального государства. И особенность этих многогранных процессов, как нам представляется, состояла, прежде всего, в том, что в регионах и мегаполисах, традиционно считавшихся центрами политической и культурной жизни, в первую очередь в Москве и Ленинграде, формировавшиеся на протяжении многих десятилетий и утвердившиеся в сознании людей стереотипы, преодолевались с очевидной скоростью. На местах же, особенно в так называемых национально-государственных образованиях (за исключением прибалтийских республик), перестроечные процессы формально не встречали трудностей, но на самом деле тормозились местной номенклатурой.

Их консерватизм – это порождение советской политической системы, вся конструкция и идеология которой практически полностью были подчинены в первую очередь сугубо корпоративным (партийным) интересам.

Советская партийно-государственная система была настолько искусно централизованна, что любое творческое начало снизу рассматривалось как проявление самостоятельности, порою излишней. Поэтому сиюминутно перестроиться, освободиться от традиционной партийно-бюрократической психологии на местах было непросто, да и не было у так называемой партократии (читай – автократии) для этого и особого желания. Это с одной стороны!

С другой стороны, курс на перестройку, предложенный новым Генеральным секретарём ЦК КПСС, широкими слоями населения страны был встречен действительно с энтузиазмом.

Именно с учетом этих факторов местным правящим верхам приходилось лавировать, чтобы создавать, хотя бы иллюзию перестройки.

Величайшим достижением советской страны считалось решение национального вопроса. При этом утверждалось, что решен он окончательно и бесповоротно - раз и навсегда, и не только юридически, но и фактически.

Эта декларативная оценка не подлежала сомнению. Поэтому отступать от этих выводов не было позволительно никому – ни в агитации и пропаганде, ни в учебных заведениях, ни в научных учреждениях...

Результаты ленинско-сталинской национальной политики в СССР, достигнутые к середине 80-х гг. XX-го столетия, «торжествовали» и в Чечено-Ингушской АССР.

В конце 1982 года советская партийно-хозяйственная элита республики помпезно отпраздновала сразу три юбилея – 60-летие со дня образования СССР (30 декабря 1922 г.), 200-летие добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России (1781 г.) [8] и 60-летие автономии Чечено-Ингушетии (30 ноября 1922 г.).

На знамени республики появился очередной, четвертый, советский орден – орден Трудового Красного Знамени.

В традиционном в таких случаях приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР, а также руководящих органов власти РСФСР было «...отмечено большое общественно-политическое значение юбилеев Чечено-Ингушетии, дана высокая оценка вкладу чеченского и ингушского народов, всех трудящихся Чечено-Ингушской АССР в общее дело коммунистического строительства в нашей стране» [9, с.6].

А уже в апреле 1985 года эти же органы высшей власти открыто признали, что «общее дело коммунистического строительства» завело страну в тупик.

Здесь же, видимо, следует заметить, что все эти исторические даты отражают имперской политики - царской России, в последующем – Советского Союза. И весь парадокс состоял в том, что во всех случаях власть демонстрировала только исторический пафос, только прогресс и только благоденствие. Иная констатация, в частности ориентированная на объективную оценку достигнутых реальных результатов, была запрещена! Особенно в брежневские времена, хотя было очевидно, что отдельные, так называемые научные концепции, в частности о добровольном вхождении чеченцев и ингушей в состав имперской России, были «обоснованы» «придворными» учеными, для которых идеологическая конъюнктура являлась главным ориентиром.

Поэтому горбачевский курс на перестройку в Чечено-Ингушской АССР общественностью, особенно той её частью, которая отчетливо понимала, что страна в застое, действительно, в отличие от республиканской номенклатуры, был встречен с определенными надеждами.

Перед руководством республики – первым секретарем обкома КПСС В. К. Фотеевым, председателем Президиума Верховного Совета ЧИАССР Х. Х. Боковым, председателем Совета Министров ЧИАССР М. А. Керимовым – встали серьезные задачи, связанные с объективной необходимостью и общественной потребностью коренного обновления всей организационной работы органов власти и управления, а также механизмов хозяйствования. Немало предстояло сделать и в сфере духовно-нравственного обновления, связывая эти непростые задачи с естественной потребностью общества в переоценке ценностей, в переосмыслении не только исторического прошлого - как далекого, так и близкого, но всего того нового, что происходит здесь и сейчас.

Следовало учитывать, что люди всегда мечтали быть **свободными и достойными гражданами** своей страны; пользоваться не только благами материальными, культурными

ми, но и **правом Человека и Гражданина** в самом широком общепринятом в международной практике его понимании.

Перестройка, курс на демократизацию всех сфер общественной жизни закономерно обнажили многие «белые и черные пятна». А все это в свою очередь способствовало формированию неординарных взглядов (плюрализм мнений и не только) и непривычных общественных настроений, под очевидным воздействием которых стали возникать общественные формирования – объединения, движения, партии, «фронты»..., в т. ч. и национальные, а порою – и националистические.

Стимулом для создания этих структур, в будущем призванных сыграть существенную роль в формировании гражданского общества в новой России, явилась отмена 6-й статьи Конституции СССР – о руководящей и направляющей роли КПСС. Эта одновременно гуманная и демократическая корректировка главного законодательного акта государства и положила начало становлению многопартийной системы.

Уже в то время возникли партии *демократической* ориентации: Крестьянская, Аграрная, Народная партия России, Демократическая партия России и др.

В результате раскола в рядах КПСС возникло несколько партий *коммунистической ориентации*: Коммунистическая партия РСФСР (КПРФ), Российская партия коммунистов (РКП), Российская коммунистическая рабочая партия.

Формировались партии *социал-демократического* направления и партии *национально-патриотической ориентации*.

При этом следует заметить, что отдельные партии без особых церемоний заимствовали форму аналогичных общественных институтов стран развитой демократии, даже, несмотря на то, что не имели социальной базы в обществе, а зачастую выражали только лишь амбиции некоторых сиюминутно испеченных деятелей, основная цель которых на текущий момент – самореклама.

Почти или тоже самое происходило и в Чечено-Ингушетии. Вспоминая эти процессы, один из главных идеологов крайне радикального крыла неформального движения в республике З. Яндарбиев, откровенно писал: «Это было время, когда одной лишь критикой недостатков в декларативной форме можно было стать героем дня. Чем и занимались многие. Это превращало само неформальное движение в «выпускание пара»... К тому же, уставы и программы многих движений были просто-напросто переписаны друг у друга. В частности, чечено-ингушские «неформалы» переписывали свои программы из российских, балтийских, закавказских неформальных движений...» [10].

Но была и своя особенность – специфика, обусловленная, прежде всего, местными факторами, как объективными, так и субъективными.

Изначально общественность, особенно её активная часть, внимательно присматривалась к первым шагам партийного руководства республики, во главе которого с 1984 года находился В. К. Фотеев, как и его предшественники, направленный сюда по решению Политбюро ЦК КПСС.

На этом посту он заменил А. В. Власова, кстати, который за годы своей работы во главе областной партийной организации, немало сделал для укрепления экономического фундамента республики, рационального использования трудовых ресурсов, решения жилищной проблемы, существенного преобразования города Грозного, за что заслуженно пользовался у жителей республики немалым авторитетом и уважением.

Можно полагать, что в первую очередь именно из-за его очевидные организаторские способности ему были доверены более высокие посты: первого секретаря Ростовского обкома КПСС, министра внутренних дел СССР, председателя Совета Министров РСФСР. Был А. В. Власов и одним из основных кандидатов на пост председателя Верховного Совета РСФСР 1990 года созыва, но проиграл Б. Н. Ельцину⁵ [11, с.588].

В. К. Фотеев на фоне самоуверенного и деятельного, жесткого и строго требовательного, компетентного и демонстративно инициативного Власова А. В. выглядел весьма непривлекательно. Поэтому областная партийная организация, во главе которой был этот явно выраженный временщик, сиюминутно изменить стиль и методы своей деятельности особо ретиво и не старалась.

Характеризуя события того периода, профессор Джабраил Гакаев писал: «Первые два года горбачевской перестройки не оказали сколько-нибудь существенного влияния на общественно-политическую жизнь Чечено-Ингушетии... Местная партноменклатура... встретила идеи перестройки враждебно и всячески сопротивлялась процессу демократизации» [12, с.133].

Все партийные решения, принятые на союзном уровне, формально, без особых «эффектов», были всего лишь продублированы на пленумах, совещаниях, активах областного комитета КПСС, районных партийных и советских органов, на собраниях трудовых коллективов.

Руководители этих структур, почти бессменные, твердо держали бразды правления в своих руках. И чтобы сохранить статус-кво, они готовы были на любые ухищрения.

В Чечено-Ингушетии, как практически, и во всех других национальных автономных республиках, где главенствовала и верховодила партийно-советская бюрократия, инициатива, особенно снизу, тем более не вписывающаяся в рамки дозволенного, мягко говоря, не поощрялась.

Перестройку они не могли не приветствовать. Но понимание сути этой перестройки, её интерпретация были сугубо корпоративными. Соответственно, исходя из этих специфических «классовых» интересов, и осуществлялись на практике задачи нового курса.

Традиционно в правящих рядах случайных начальников практически не было. Здесь почти все были «своими». Ведь «ленинские принципы подбора и расстановки кадров» были лишь теоретическими постулатами. На деле срабатывали, как правило, проверенные механизмы: блат во всей его многогранности и многообразии, или взятка.

Вместе с тем, кадровый корпус не был однородным и единым, тем более – монолитным. Был искусственный декор. Но не более того! И следует подчеркнуть, что это рельефно проявилось в самом начале перестройки. Некогда, казалось бы, единая команда, как только заговорили об **альтернативных выборах** руководящих кадров, стала раскаливаться изнутри.

Кстати, эта неизбежная фрагментация иллюзорного целого была заложена в самой сути кадровой политики КПСС, особенно при формировании руководящих управленческих звеньев советских национально-государственных образований – союзных и автономных республик, автономных областей и автономных округов.

⁵ Прим. «...за Ельцина были отданы голоса депутатов-ингушей, прежде голосовавших за Полозкова. Это ли обстоятельство или что-то иное помогло Ельцину получить на 4 голоса больше, чем требовалось для избрания. Из 1060 народных депутатов РСФСР за него проголосовали 535 человек. Его основной соперник – А. В. Власов – получил 462 голоса».

Самая порочная кадровая политика за все годы советской власти, вплоть до горбачевской перестройки, под руководством КПСС целенаправленно осуществлялась в Чечено-Ингушской АССР. На её примере воочию можно было убедиться ни только не в состоятельности ленинских принципов подбора и расстановки кадров, но и в аморальности всей этой политики, называемой кадровой.

Именно здесь строго и неукоснительно соблюдался расклад кадров по национальному признаку. И никогда принятые в соответствии с этим подходом решения перевеса в пользу т. н. титульных наций не допускали. Да, официальная статистика, когда речь шла о количественных параметрах, давала другую картину. А как только детальному анализу подвергалось качественное распределение должностей, то иллюзии рассеивались, и становилось очевидным, что главные рычаги управления находятся не в руках номенклатуры вайнахского происхождения.

Такие должности, как первый секретарь обкома и Грозненского горкома КПСС, председатель КГБ и министр внутренних дел, прокурор и председатель Верховного суда, директора крупных нефтепромышленных объектов – это и есть неполный перечень высших постов в республике, которые в соответствии с негласно существовавшими установками ЦК КПСС, не могли занимать лица коренной национальности, т. е. чеченцы и ингуши.

Сергей Степашин – один из ближайших и самозабвенно преданных соратников Б. Ельцина, с циничным откровением как-то вспоминал: «В Чечено-Ингушетии **всегда** первым секретарем был русский. **Специфика взаимоотношений этого требовала**» [13, с. 31].

Подобная пресловутая кадровая политика, наряду с объективными причинами, в не малой степени способствовала накоплению недовольства, в последующем спекулятивно использованного национал-радикалами для осуществления своих антиконституционных замыслов.

Однако считалось, что практическое воплощение ленинской национальной политики в СССР обеспечило сплочение трудящихся, небывалый прогресс экономического и духовного развития ранее угнетенных и отсталых наций и народностей. Только социализм покончил с национальным гнетом и неравноправием, только при социализме все нации и народности страны достигли «подлинного расцвета», великой дружбы. И страна по праву гордилась этими достижениями. Таковы растиражированные оценки – клише. На самом деле действительность была далека от помпезно рисованного плакатного идеала.

Январский 1987 года Пленум ЦК КПСС призывал низовые партийные органы «вернуться лицом к проблемам дальнейшего развития национальных отношений, усиления интернационального воспитания» [14, с.39]. При этом отмечалось, что «особенно важно уберечь от разлагающего влияния *национализма* (курсив мой – А. Б.) подрастающее поколение» [15, с. 39].

Чечено-Ингушский обком партии, его городские и районные структуры, первичные партийные организации естественно имитировали «бурную» деятельность. На XIX-й областной партконференции (декабрь 1985 года) [15] и собрании областного партактива (февраль 1987 год)[16] указывалось на националистические веяния, наличие союза националистических элементов с религиозными служителями, сеющими национальную рознь в республике.

Если следовать этой логике, то получалось, что партийное руководство Чечено-Ингушской АССР действовало в непростых условиях. Но, несмотря на это, оно преодолело трудности, ловко противопоставляя «националистическим поветриям последовательный интернационализм».

Таков был почерк, таковы были штампы – стереотипы, формировавшиеся в течение многих десятилетий «социалистического строительства».

ЛИТЕРАТУРА

1. Шахназаров Г. С ВОЖДЯМИ и без них [Текст] / Шахназаров Г. - Москва: ВАГРИУС, 2001 - С.278.
2. Яковлев А. Сумерки. [Текст] / Яковлев А. - Москва: «МАТЕРИК», 2003-С.359.
3. Шахназаров Г. С ВОЖДЯМИ и без них [Текст] / Шахназаров Г. - Москва: ВАГРИУС, 2001 - С.278.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988). [Текст] /- Т. 15 (1985-1988). – 9-е изд., доп. и испр. - Москва: Политиздат, 1989-352-368 с.
5. Ведомости Верховного Совета СССР № 49 (2487). - Москва: Издание Верховного Совета СССР, 7 декабря 1988. - С. 813-830.
6. Ведомости Верховного Совета СССР. № 49 (2487). 7 декабря 1988 г. Издание Верховного Совета СССР. М. 1988. - С. 831-857.
7. Второй съезд народных депутатов СССР. 12-24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. Т. II. Издание Верховного Совета СССР. М. 1990. – С. 361.
8. Боков Ф. П. По поводу концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (теоретико-методологический аспект). [Текст] / Боков Ф. П. - Грозный : «Книга», 1990.
9. Чечено-Ингушская АССР. Административно-территориальное деление (на 1 января 1982 г.) [Текст] /-2-е издание. -Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1990. С.6.
10. Яндарбиев З Чечения – битва за свободу [Текст] / Яндарбиев З - .Львов.1996. 57 с.
11. Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991 [Текст] / Пихоя Р. Г. -Москва: РАГС, 1998. С. 588.
12. Гакаев Дж. Дж. Очерки политической истории Чечни (XX век). В двух частях [Текст] / Гакаев Дж. Дж. - Москва: ЧКЦ, 1997. С.133.
13. Михайлов А. Г. Чеченское колесо: Генерал ФСБ свидетельствует. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», [Текст] / Михайлов А. Г.-: 2002. С.31.
14. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 27-28 января 1987 года [Текст] / Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 27-28 января 1987 года. -Москва : Политиздат, 1987. С.39.
15. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 27-28 января 1987 года [Текст] / Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 27-28 января 1987 года. -Москва : Политиздат, 1987. С.39.
16. Грозненский рабочий. – 1985 г. 28 декабря.

17. Грозненский рабочий. - 1987 г. 10 февраля.

REFERENCES

1. Shakhnazarov G. With and without LEADERS [Text] / Shakhnazarov G. - Moscow: VAGRIUS, 2001 - p.278.
2. Yakovlev A. Twilight. [Text] / Yakovlev A. - Moscow: "MAINLAND", 2003-p.359.
3. Shakhnazarov G. With and without LEADERS [Text] / Shakhnazarov G. - Moscow: VAGRIUS, 2001 - p.278.
4. The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898-1988). [Text] /- Vol. 15 (1985-1988). – 9th ed., add. and ispr. - Moscow: Politizdat, 1989-352-368 p.
5. Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR No. 49 (2487). - Moscow: Edition of the Supreme Soviet of the USSR, December 7, 1988. - pp. 813-830.
6. Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. № 49 (2487). December 7, 1988 Edition of the Supreme Soviet of the USSR. M. 1988. - pp. 831-857.
7. The Second Congress of People's Deputies of the USSR. December 12-24, 1989 Stenographic report. Vol. II. Edition of the Supreme Soviet of the USSR. M. 1990. – p. 361.
8. Bokov F. P. On the concept of the voluntary entry of Chechen-Ingushetia into Russia (theoretical and methodological aspect). [Text] / Bokov F. P. - Grozny : "The Book", 1990.
9. Chechen-Ingush ASSR. Administrative-territorial division (as of January 1, 1982) [Text] /-2nd edition. -Grozny : Chechen-Ingush Book Publishing House, 1990. p.6.
10. Yandarbiev Z. Checheniya – the battle for freedom [Text] / Yandarbiev Z.Lviv.1996. 57 p.
11. Pihoya R. G. The Soviet Union: The History of power. 1945-1991 [Text] / Pihoya R. G. -Moscow: RAGS, 1998. p. 588.
12. Gakaev J. J. Essays on the political history of Chechnya (XX century). In two parts [Text] / Gakaev J. J. - Moscow: ChKTS, 1997. p. 133.
13. Mikhailov A. G. Chechen wheel: FSB General testifies. – M.: Collection "Top secret", [Text] / Mikhailov A. G.-: 2002. p.31.
14. Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU. January 27-28, 1987 [Text] / Proceedings of the Plenum of the Central Committee of the CPSU. January 27-28, 1987-yes. -Moscow : Politizdat, 1987. P.39.
15. Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU. January 27-28, 1987 [Text] / Proceedings of the Plenum of the Central Committee of the CPSU. January 27-28, 1987. -Moscow : Politizdat, 1987. p.39.
16. Grozny worker. – 1985, December 28th.
17. Grozny worker. - 1987, February 10.